

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL PROCEDURE PROBLEMS OF CRIME COUNTERACTION

Научная статья

УДК 343.1

EDN HSEGOG

DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(2).172-183



ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПОДОЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

И.В. Смолькова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

1 марта 2023 г.

Дата принятия в печать

1 мая 2023 г.

Дата онлайн-размещения

26 мая 2023 г.

Ключевые слова

Подозрение; подозреваемый;
дознание; предварительное
следствие; обвинение; уголовное
преследование; причастность

Аннотация. В статье анализируется остро дискуссионная проблема науки российского уголовного судопроизводства — проблема определения понятия подозрения, его сущности и значения. Институт подозрения позволяет обеспечивать права и законные интересы в ситуации, когда лицо еще не привлечено в качестве обвиняемого, но в отношении него уже применяются меры процессуального принуждения. Отмечается, что уголовно-процессуальный закон не дает определения подозрения, несмотря на то что сам термин неоднократно в нем упоминается, а в ряде статей УПК РФ установлено требование, адресованное должностным лицам органов предварительного расследования разъяснить отдельным участникам уголовного судопроизводства сущность подозрения. Хотя произошли существенные изменения уголовно-процессуального закона в части, касающейся подозрения, тем не менее законодатель не решился концептуально пересмотреть сложившийся в теории и на практике многолетний традиционный подход к институту подозрению, а внес лишь несколько частных новшеств, которые не разрешили проблемы уголовно-процессуальной деятельности на первоначальном этапе уголовного преследования, связанной с подозрением, а, наоборот, добавили их количество. Значительное число норм, посвященных подозрению и подозреваемому, либо противоречат друг другу, либо носят неконкретный или нечеткий характер. Не только законодатель, но и уголовно-процессуальная наука, до настоящего времени не выработала единообразного подхода к определению понятия «подозрение». В статье анализируются различные позиции относительно понятия и сущности подозрения, высказанные в теории уголовного судопроизводства.

Original article

THE CONCEPT AND ESSENCE OF SUSPICION IN RUSSIAN CRIMINAL COURT PROCEEDINGS

Iraida V. Smolkova

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2023 March 1

Accepted

2023 May 1

Available online

2023 May 26

Keywords

Suspicion; suspect; inquiry; preliminary
investigation; accusal; criminal
prosecution; complicity

Abstract. The author analyzes a highly debated problem of the Russian science of criminal court proceedings — the problem of defining the concept, essence and meaning of suspicion. The institute of suspicion makes it possible to protect the rights and lawful interests in the situation when a person has not yet been charged, but the procedural coercion measures have already been applied. It is noted that the criminal procedure law does not define suspicion, although the term itself is mentioned numerous times, and a number of articles in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation set a requirement for the officers of the bodies of preliminary investigation to clarify the essence of suspicion to the participants of criminal proceedings. Although considerable changes have been made in the part of criminal procedure law referring to suspicion, the lawmakers have not dared to reconsider the long-time traditional approach to suspicion established in both theory and practice, but introduced just some specific changes, which have not solved the problems of the criminal

© Смолькова И.В., 2023

procedure activity at the initial stage of criminal prosecution connected with suspicion, but, on the contrary, have increased their number. A considerable number of the norms connected with suspicion and suspects are either mutually contradictory, or non-specific and vague. Not only the lawmakers, but also the science of criminal procedure has not yet proposed a unified approach to the definition of the concept of «suspicion». The author analyzes various approaches to the concept and essence of suspicion found in the theory of criminal court proceedings.

Подозрение — традиционный институт уголовного судопроизводства, имеющий давнюю историю. Однако в международных документах, имеющих определенное отношение к уголовно-процессуальной деятельности, термин «подозрение» встречается крайне редко. Для обозначения уголовного преследования лица, совершившего преступление, в них обычно используется термин «обвинение», как правило, включающий в себя и «подозрение», а такой вид уголовно-процессуальной деятельности, как «подозрение», в них вообще не упоминается (например, ст. 10 Всеобщей декларации прав человека¹, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах²).

С этих позиций найти международный универсальный аналог понятия «подозрение» довольно сложно. А, по мнению А.А. Тарасова, поиск аналогов сугубо русских слов «подозрение», «подозреваемый», «обвинение», «обвиняемый» в англоязычных и франкоязычных оригиналах международно-правовых документов является малопродуктивным занятием [1, с. 34]. С данным мнением согласиться сложно, поскольку при таком подходе невозможно найти единый знаменатель к традиционным правовым понятиям и институтам, действующим, в принципе, во всех странах мира, поскольку подозрение не является чисто российским изобретением.

В уголовном процессе отдельных стран континентальной правовой системы термин «подозрение» все-таки используется при определении ограничения свободы передвижения гражданина в связи с задержанием или арестом, или при необходимости допроса подозреваемого лица по поводу его причастности к преступлению. Наиболее детально институт подозрения разработан в Уголовно-процессуальном кодексе Фе-

деративной Республики Германии [2] (УПК ФРГ), в частности в нем выделено несколько видов подозрения, которые обусловлены разной степенью накопления сведений о причастности лица к преступлению: «начальное подозрение», являющееся основанием для производства дознания, поскольку достаточность фактических данных позволяет сделать вывод о возможном участии лица в уголовно-наказуемом деянии (§ 152 II, § 160 I УПК ФРГ); «достаточное подозрение», представляющее собой основание для предъявления прокурором обвинения перед судом, поскольку имеет место вероятность того, что обвиняемый совершил уголовно-наказуемое деяние и будет за него осужден (§ 170 I УПК ФРГ); «сильное подозрение», служащее основанием для производства мер принуждения, например ареста, поскольку имеет место высокая степень вероятности, что обвиняемый является исполнителем или участником преступления (§ 112 II УПК ФРГ) [3, с. 80]. Однако все перечисленные виды подозрения связаны с обвиняемым: при их наличии появляется не подозреваемый, а обвиняемый. Только при констатации подозрения допустимо вмешательство со стороны органов уголовного преследования в конституционные права и свободы гражданина.

В немецкой уголовно-процессуальной доктрине учение о подозрении развито довольно основательно. Отдельные авторы даже рассматривают подозрение как центральный элемент уголовного процесса ФРГ, поскольку наличие подозрения означает начало уголовно-процессуального расследования, а его отсутствие обязывает прокуратуру немедленно прекратить начатое расследование. Хотя подозреваемый как самостоятельный участник уголовного судопроизводства отсутствует, термин «Verdächtiger», буквально переводящийся как «подозреваемый», в УПК ФРГ все же имеет место. Само понятие «подозреваемый» предполагает наличие вероятности того, что лицо совершило уголовно наказуемое деяние, вследствие чего в отношении него может быть начато уголовное расследование [4, с. 40].

¹ Всеобщая декларация прав человека : принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 217 А (III) 10 дек. 1948 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. М., 2002. С. 38–42.

² Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2200 (XXI) 16 дек. 1966 г. // Там же. С. 52–67.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации³ (УПК РФ) термин «подозрение» законодатель использует 20 раз (п. 11, 42 ст. 5; ч. 1 ст. 10; п. 4 ч. 1 ст. 46; п. 2 ч. 4 ст. 46; п. 3.1 ст. 49; ч. 1 ст. 91; ч. 3 ст. 103; ч. 3 ст. 104; ч. 2 ст. 105; ч. 6 ст. 106; ч. 2 ст. 148; ст. 223.1 (в этой статье он употреблен 7 раз), п. 4 ч. 4 ст. 223.2). Вместе с тем содержание понятия «подозрение» в УПК РФ не раскрывается, хотя в некоторых его статьях имеется прямое требование, адресованное следователю (дознавателю), разъяснять *существо подозрения* отдельным участникам уголовного судопроизводства (поручителю, командованию воинской части, лицам, осуществляющим присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, залогодателю) при избрании ряда мер пресечения (ч. 3 ст. 103, ч. 3 ст. 104, ч. 2 ст. 105, ч. 6 ст. 106 УПК РФ). Указание на необходимость допроса подозреваемого дознавателем именно по *существу подозрения* предусмотрено в ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ. В других же статьях УПК РФ, связанных с участием подозреваемого в уголовном судопроизводстве, требование разъяснить ему существо подозрения по какой-то причине вообще не обозначено.

Довольно странно, что, определяя в ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства, законодатель не упоминает подозрение, а между тем выяснение причастности или непричастности лица к совершенному преступлению напрямую связано с этим назначением, которое включает в том числе и отказ от необоснованного уголовного преследования невиновных (ч. 2). Представляется в этой связи необходимым устранить допущенный пробел и дополнить ч. 2 ст. 6 УПК РФ указанием на необходимость защиты личности не только от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения, ограничения ее прав и свобод, но и от незаконного и необоснованного подозрения.

В УПК РФ не получили достаточно четкого и полного разрешения вопросы ни о понятии подозрения, ни о его видах и месте в структуре уголовного преследования, а также о связи подозрения с определением статуса подозреваемого. К большому сожалению, подозрение до настоящего времени остается белым пятном в российском уголовном судопроизводстве. Отсутствие в законе дефиниции подозрения приводит к многолетним бесплодным спорам в

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

теории уголовного судопроизводства о данном понятии и основаниях появления подозреваемого, делает проблематичным реализацию подозрения на практике, поскольку правоприменитель самостоятельно определяет его содержание, что, безусловно, приводит к ошибкам и злоупотреблениям.

В самом общем представлении подозрение — это вероятное знание, версия, предположение о том, что определенное лицо совершило преступление.

С этимологической точки зрения, слово «подозрение» произошло от древнерусского слова «подозреть», означающего «попытаться увидеть что-либо» [5, с. 300]. Синонимами рассматриваемого слова являются слова «сомнение», «допущение», «догадка», «домысел», «предубеждение», «предположение», «недоверие», «гипотеза» [6, с. 342], которые по своему смысловому значению выражают значительно меньшую категоричность выводов, в отличие от утверждения о чем-либо.

По правилам современного русского языка, термин «подозрение» является существительным, образованным от глагола «подозревать», означающего «предполагать виновность кого-нибудь, догадываться о предосудительности или нечестности чьих-либо намерений, действий, поступков, догадка, вызванная сомнением в характере чьих-нибудь действий» [7, с. 195]. Подозрение же — это «предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-н. поступков, в правдивости чьих-нибудь слов, признак, намек, дающий возможность предполагать что-либо» [8, с. 539]. Следовательно, сущность слова «подозрение» в русском языке заключается в предположении, основанном на сомнении. Однако уголовно-процессуальная деятельность в сфере принятия решений, затрагивающих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, не может опираться на категорию «сомнение».

Наиболее близким к понятию «подозрение» в процессуальном значении является понятие «версия»: и то, и другое представляют собой предположение, но второе шире первого, поскольку версия о субъекте преступления формируется в тот период расследования, когда чаще всего сведения о нем носят неопределенный характер и не позволяют сделать вывод о причастности к преступлению определенных лиц. Подозрение же не может быть связано с неопределенными и неизвестными лицами, а нао-

борот, всегда связано с конкретным человеком, причастность которого к совершению преступления подтверждается фактическими данными.

Как правило, на первоначальном этапе расследования выдвигается несколько версий о предполагаемом лице, совершившем преступление. Подозрение же дает один вариант объяснения фактов, указывающих на причастность конкретного лица в его совершении. Подозрения нет, если нет этого единственного варианта. Отождествление подозрения с версией о причастности определенного лица к преступлению неверно, поскольку следственная версия — понятие криминалистическое, а не уголовно-процессуальное.

Соотношение криминалистического и уголовно-процессуального понятий «версия» и «подозрение» в свое время верно обозначил А.М. Ларин, отметив, что подозрение в криминалистическом аспекте есть «версия о субъекте преступления, а в уголовно-процессуальном смысле вывод из версий» [9, с. 38]. При получении информации о совершенном преступлении сначала конструируется версия, имеющая криминалистическое значение, и, если она подтверждается в отношении конкретного лица, выдвигается и формируется подозрение.

С учетом приведенных рассуждений сложно согласиться с А.В. Калинин, отождествляющим подозрение с версией следователя (дознателя) о наличии признаков преступления и причастности лица к его совершению [10].

Подозрение самым непосредственным образом связано с подозреваемым: если есть подозрение, оно не может быть неконкретным и безадресным. Персонализация подозрения имеет место при наличии определенных оснований, закрепленных в УПК РФ: возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ); задержании лица по подозрению в совершении преступления (ст. 91 УПК РФ); применении меры пресечения до предъявления обвинения (ст. 100 УПК РФ); уведомлении о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ). Некоторые процессуалисты вполне обоснованно исходят из того, что функция уголовного преследования начинает реализовываться одновременно с возбуждением уголовного дела в отношении конкретного лица, что связано с появлением такого участника уголовного производства, как подозреваемый [11, с. 23; 12, с. 24].

Из содержания норм УПК РФ, посвященных подозреваемому, следует, что закон рассматри-

вает подозрение как момент персонализации уголовного преследования, который выражается в предположении должностного лица органов предварительного расследования о причастности конкретного лица к совершенному преступлению. На этом основании мнение о существовании «неперсонализированного подозрения в отношении неопределенного круга лиц» [10, с. 17] вызывает серьезные возражения. Сложно согласиться и с мнением Д.Т. Арабули, которая считает, что подозрение имеет абстрактный, расплывчатый характер [13, с. 14].

Не только законодатель, но и уголовно-процессуальная наука до настоящего времени не выработала единообразного подхода к определению понятия «подозрение». В этой связи вполне обоснованно замечает Е.В. Сопнева, что теория уголовного процесса не сформировала полноценного понимания подозрения как явления во всем его многообразии, что минимизирует процесс гарантированности прав лица, причастного к преступлению, «обрекает правоприменителя на формулирование собственного понимания подозрения, которое и внедряется в современную практику уголовного судопроизводства, не всегда отличаясь высоким качеством» [14, с. 163].

При всей значимости института подозрения для уголовного судопроизводства оснований для его переоценки все же нет. Однако отдельные авторы допускают некоторые крайности при оценке его значимости. Так, например, Е.В. Сопнева рассматривает подозрение как *основополагающее* понятие уголовного судопроизводства [там же, с. 161]. Я.М. Плошкина считает, что подозрение играет *ключевую* роль в уголовном процессе [4, с. 37]. Безусловно, институт подозрения имеет определенную ценность для уголовного судопроизводства. Тем не менее трудно согласиться с тем, что оно играет в нем столь главенствующую роль. Думается, более точен в данном вопросе А.В. Карцев, считающий, что институт подозрения не является и не может являться ключевым понятием, поскольку лишь характеризует необязательный этап привлечения лица к уголовной ответственности и форму уголовного преследования этого этапа [15, с. 17].

А.В. Федулов оценивает институт подозрения с другой стороны, полагая, что он необходим для того, чтобы законодательно закрепить кратковременное нарушение конституционных прав и свобод личности либо обосновать интерес правоохранительных органов к гражданину по поводу совершенного преступного деяния, и

предоставляет собой законодательно регламентированный промежуток времени, необходимый органам уголовного преследования, чтобы подготовить и обосновать обвинение [16, с. 560]. Можно предположить, что данный подход страдает очевидной односторонностью, ибо исходит из того, что институт подозрения обеспечивает прежде всего интересы стороны обвинения.

Дав определение понятию подозреваемого в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, законодатель оставил без внимания самое главное — понятие самого подозрения и критерии его формирования. В отличие от классической схемы «обвинение — обвиняемый», сложившейся еще в российском уголовном судопроизводстве, применительно к подозреваемому он избрал другую — «подозреваемый — подозрение», тем самым нарушив логическую связь классической схемы, которая должна быть представлена в виде «подозрение — подозреваемый». Очевидно, что первоначально необходимо сформулировать подозрение как основание, а затем уже на этом основании признавать лицо подозреваемым, поскольку подозрение — более широкое понятие, чем основание формирования процессуального статуса лица, против которого оно выдвигается. Взаимосвязь понятий «подозрение» и «подозреваемый» настолько очевидна и органична, они не могут существовать в отдельности друг от друга с учетом их неразрывности и обязательным переходом от одного (подозрение) к другому (подозреваемый). Исходя из позиции УПК РФ можно сделать вывод о том, что понятие «подозрение» является производным от понятия «подозреваемого». Представляется, однако, что только подозрение является отправной точкой для формирования понятия подозреваемого. С другой стороны, подозрение в совершении преступления, даже получившее выражение в тех или иных действиях изобличительного характера (освидетельствование, наложение ареста на имущество и т. д.) против конкретного лица само по себе еще не является основанием для признания его подозреваемым.

Подозрение проявляется на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, является основанием осуществления процессуальных, в том числе следственных, действий и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

В теории уголовного судопроизводства подозрение рассматривается в самых разных качествах: 1) как этап уголовного судопроизводства; 2) форма уголовного преследования; 3) вид уголовного преследования; 4) составная часть функции

уголовного преследования; 6) механизм реализации уголовного преследования; 7) этап уголовного преследования; 8) форма причастности лица к совершенному преступлению; 9) утверждение (вывод) органов предварительного расследования о причастности лица к совершению преступления, основанное на неполных знаниях о расследуемом преступлении и лице, его совершившем; 10) основание появления подозреваемого.

Прежде всего понятие «подозрение» самым тесным образом связано с понятием «уголовное преследование», поэтому следует определить их соотношение.

Относительно понятия уголовного преследования Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П⁴ занял следующую позицию: «факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него». Таким образом, по мнению Конституционного Суда РФ, уголовным преследованием является производство процессуальных действий, из содержания которых лицо осознает, что находится под подозрением, и оно может начаться еще до формальной его постановки в процессуальное положение подозреваемого.

Несмотря на то, что данное постановление оценивало соответствие Конституции Российской Федерации положениям УПК РСФСР, оно актуально и в настоящее время, поскольку именно на его основании в УПК РФ были включены нормы о допуске защитника с более ранних моментов расследования до возбуждения уголовного дела, исходя из того, что при производстве ряда принудительных действий начинается процесс уголовного преследования. Многие авторы разделяют позицию Конституционного Суда РФ в том, что уголовное преследование может быть начато ранее, чем лицо официально признано подозреваемым. Так, на-

⁴ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

пример, А.Л. Аристархов считает, что УПК РФ, наделив защитника правом участия в уголовном деле с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 3 ч. 3 ст. 49), подразумевает, что в отношении последнего уже осуществляется уголовное преследование [17, с. 9; 18, с. 128].

С данным мнением согласиться сложно, поскольку законодательное определение уголовного преследования («процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» — п. 55 ст. 5 УПК РФ) дает основание для другого вывода: уголовное преследование может осуществляться только в отношении лиц, которые уже юридически признаны подозреваемым или обвиняемым. «Подозрение» и «обвинение» соотносятся с категорией «уголовное преследование» как части и целое и представляют собой этапы уголовного преследования.

Уголовное преследование представляет собой одно из направлений уголовно-процессуальной деятельности, в содержание которой входит возбуждение уголовного дела, задержание подозреваемого, применение к нему меры пресечения и иных мер процессуального принуждения, уведомление о подозрении в совершении преступления, собирание доказательств с целью изобличения лица, виновного в совершении преступления, составление и утверждение обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления.

Подозрение является причиной возникновения реального уголовного преследования конкретного лица, хотя подозрение — не обязательный этап уголовного преследования, лицо может получить статус обвиняемого и без предварительного пребывания его в статусе подозреваемого, например, если лицо совершило убийство при очевидных обстоятельствах. Некоторые авторы вполне обоснованно рассматривают подозрение в качестве факультативного элемента расследования преступлений [19, с. 87].

Когда у правоприменителя возникает подозрение в отношении какого-либо лица о его причастности к совершенному преступлению, оно должно быть проверено путем собирания информации о нем, и только после того, как подозрение найдет свое подтверждение, возможен переход к обвинению, подозрение в процессе расследования преступления является ступенью к появлению обвиняемого.

В уголовно-процессуальной литературе подозрение оценивается с разных позиций. Одни авторы полагают, что подозрение представляет собой форму уголовного преследования [20, с. 87–88; 21, с. 174]. Вполне обоснованно подверг эту позицию критике Р.В. Мазюк, заметив, что содержание уголовного преследования остается неизменным, оно характеризует развитие уровня «субъект-субъектных отношений между изобличаемым лицом и органами, осуществляющими его изобличение, а подозрение и обвинение являются его этапами, но не формами» [22, с. 110], поскольку этап — это «отдельный момент, стадия какого-нибудь процесса», а форма есть «способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением» [8, с. 855, 913]. Как справедливо заметил по данному поводу И.А. Пантелеев, «не может быть, чтобы подозрение против лица шло параллельно его же обвинению. Даже гипотетически это предположив, получим грубое нарушение всей системы уголовного процесса, элементы которой идут строго последовательно, стадия за стадией, один этап сменяет другой» [23, с. 9].

Другие предлагают рассматривать подозрение в качестве самостоятельной процессуальной функции, содержание которой составляет «деятельность должностных лиц органов дознания по выдвижению предположения о причастности лица к совершенному расследуемому преступлению», оговаривая при этом, что функция подозрения не переходит в функцию обвинения, поскольку в процессе расследования подозрение может не найти своего подтверждения, в связи с чем уголовное преследование может быть прекращено [24, с. 23]. Данная позиция обосновывается тем, что законодатель, введя в качестве обязательного институт подозрения по делам, расследуемым органом дознания, тем самым обусловил и выделение функции подозрения. Представляется, что самостоятельной функции подозрения нет, ибо подозрение охватывается понятием функции уголовного преследования.

Уголовно-преследуемое лицо в уголовном судопроизводстве представлено подозреваемым и обвиняемым. Следовательно, и определение их статуса связано с осуществлением в отношении них уголовного преследования.

В соответствии с п. 6 ст. 49 УПК РФ защитник может участвовать в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в

отношении которого проводится проверка сообщения о совершении преступления, представляя его интересы, из чего следует, что законодатель признал наличие уголовного преследования (а значит, и подозрения как его этапа) уже на данном этапе. Таким образом создалась довольно странная ситуация, когда подозреваемого еще нет, а подозрение в виде уголовного преследования уже есть. Некоторые авторы справедливо обращают внимание на создавшееся противоречие норм, закрепленных в ст. 46 и 49 УПК РФ, выглядящее как «своеобразный парадокс», который приводит к ситуации, когда «подозреваемого формально нет, а защитник его есть» [25, с. 20].

Вполне обоснованно в этой связи замечает Р.В. Мазюк, что такой парадокс влечет серьезные процессуальные последствия: не наделение лица официальным статусом подозреваемого свидетельствует о том, что орган уголовного преследования по каким-то причинам не желает возбуждать официальное уголовное преследование. А в условиях состязательности отсутствие официального уголовного преследования должно означать и невозможность осуществления официальной защиты по делу, поскольку функция защиты является производной от функции обвинения. Допуск же защитника лицу, в отношении которого такое фактическое изобличение все же началось, само по себе не решает главной проблемы: он не влечет возбуждения уголовного преследования и, как результат, наделения лица процессуальным статусом подозреваемого [22].

Л.М. Карнеева в свое время рассматривала подозрение как «психологическую характеристику состояния следователя, определяющую его субъективное отношение к исследуемому факту и как криминалистическое понятие, при подборе оснований к решению задач расследования и выдвижения версий» [26, с. 36]. Аналогично определял подозрение Л.В. Франк: это «суждение следователя о взаимоотношении, взаимосвязи и соответствии между известными обстоятельствами дела и определенной личностью, основанное на достоверных фактах, опытно-научных положениях и умозаключениях, а также на непроверенных еще данных, уличающих это лицо в совершении преступления с той или иной степенью вероятности» [27, с. 64].

Однако подозрение как уголовно-процессуальная категория не может быть выражением психологического состояния следователя, оно имеет место лишь тогда, когда в отношении

лица, подозреваемого в совершении преступления, официально выдвинут тезис подозрения в форме какого-либо процессуального акта. Вызывает несогласие и включение в понятие подозрения его существование в сознании субъекта расследования преступления, поскольку субъективное мнение субъекта расследования не может считаться официальным подозрением.

В уголовно-процессуальной литературе предлагается выделять фактическое и процессуальное (юридическое) подозрение. Под фактическим подозрением понимается подозрение, выдвинутое при поимке лица с поличным сотрудниками правоохранительных органов, когда оно застигнуто в момент совершения преступления или непосредственно после него, до оформления протокола задержания, но с оговоркой, что фактическое подозрение существует в настоящее время в «полной правовой пустоте», поскольку у заподозренного лица вообще нет процессуального статуса. А под процессуальным (юридическим) — подозрение, оформленное соответствующими процессуальными документами (постановлением о возбуждении уголовного дела, протоколом задержания) [28, с. 24].

Аналогичным образом рассуждает и И.А. Пантелеев. По его мнению, фактическое подозрение представляет собой «возникшее в сознании следователя на основе имеющихся по делу данных отношение к лицу как к причастному к совершению преступления», а юридическое подозрение «не может быть иным, кроме как в форме специального правового акта, в котором выражается подозрение и, главное, которое официально предъявляется этому лицу, с этого момента приобретающему данный статус» [23, с. 11–12].

Эту точку зрения совершенно справедливо оспаривает И.В. Петров, отмечая, что в идеальном значении подозрение не может быть разделено на фактическое и юридическое, поскольку оно унитарно и, возникнув у субъекта расследования, побуждает его к активным действиям, направленным на подтверждение или опровержение гипотезы о виновности. Он считает, что фактическое и формальное подозрение невозможно представить и тем более проанализировать, так как таких понятий в отдельности не существует: юридическое подозрение — это процессуальная деятельность, а фактическое подозрение — предположение, элемент чувственно-логического восприятия расследуемого события. Рассматривать данные категории в отрыве друг от друга нецеле-

сообразно и невозможно. На этом основании автор предлагает рассматривать фактическую (возникшее в сознании следователя предположение о совершении преступления конкретным лицом) и формальную (процессуальное оформление данного предположения с тем, чтобы ввести подозреваемого в сферу уголовно-процессуальных отношений) стороны подозрения, как имманентно присущие подозрению [29, с. 133]. Действительно, как личное (субъективное) предположение следователя о причастности лица к совершению преступления не может существовать обособленно, без отражения его в процессуальном документе, точно так же вынесение такого документа, ставящего лицо в положение подозреваемого, без наличия обоснованного подозрения влечет признание данного решения как противозаконного.

На основании позиции Конституционного Суда РФ А.А. Великопольская предлагает выделять два этапа подозрения: первым, по ее мнению, является деятельность, направленная на проверку причастности лица к совершению преступления, предшествующая формальному уголовному преследованию, а вторым — официальное уголовное преследование подозреваемого [30, с. 27]. В какой-то мере похожее мнение высказывает Е.В. Сопнева, которая полагает, что подозрение может формироваться и вне (до) процессуальной деятельности, что оно проявляется и при проведении оперативно-розыскной деятельности, в результате которой получается информация, используемая для фактического формулирования подозрения [31, с. 179].

С делением подозрения на неофициальное и официальное сложно согласиться, поскольку уголовное судопроизводство — деятельность всегда публичная, а значит, и официальная: неофициального преследования быть не может, ибо оно осуществляется должностными лицами органами государства, уполномоченными осуществлять такую деятельность. Кроме того, подозрение как этап уголовного преследования, без каких-либо исключений, представляет собой деятельность уголовно-процессуальную. Оперативно-розыскная деятельность же таковой не является, и не следует стирать грань между этими видами деятельности.

Вызывает возражение и мнение А.В. Карцева, который предлагает рассматривать подозрение в узком и широком смысле. В узком смысле под подозрением он понимает вынесение специального процессуального акта о признании

лица подозреваемым на основе фактических данных, а в широком — сомнение, выраженное в применении различных мер принуждения в отношении заподозренного лица [32, с. 22]. Возникновение подозрения закон связывает с вынесением определенного процессуального акта, пока подозрение не облечено в процессуальную форму, оно остается субъективным внутренним предположением правоприменителя. Само по себе субъективное предположение следователя о совершении преступления лицом не влечет за собой никаких последствий для этого лица. Делать вывод о причастности лица к совершенному преступлению можно только на основании сведений, подтверждающих его причастность к совершенному преступлению. Официальное объявление о наличии подозрения происходит при ознакомлении подозреваемого с процессуальными актами, фиксирующими процессуальные действия органов предварительного расследования, на основании которых лицо приобретает статус подозреваемого (ч. 1 ст. 46 УПК РФ).

Наиболее распространенной, практически традиционной, в уголовно-процессуальной литературе является позиция, согласно которой подозрение представляет собой основанное на достаточных фактических данных *предположение* должностных лиц органов предварительного расследования о *причастности* лица к совершению преступления, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом [33, с. 20; 34, с. 65]. Бесспорно, что одной из целей подозрения в уголовном судопроизводстве является установление (подтверждение) причастности лица к совершенному преступлению.

В Словаре русского языка термин «причастность» раскрывается как «связанность с каким-нибудь делом, поступком, событием», а «причастный» как «имеющий непосредственное отношение, касательство к чему-нибудь» [8, с. 603].

В УПК РФ термин «причастность» упоминается только в одной норме — в п. 20 ст. 5, в котором дается определение термина «непричастность» — «неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления». Данная формулировка видится крайне неудачной по причине своей тавтологичности и неконкретности: неясно, в отношении какого лица (лица, подозреваемого в совершении преступления, подозреваемого или обвиняемого), должна быть установлена причастность к совершенному преступлению.

По этой причине довольно трудно через приведенное в УПК РФ понятие «непричастность» установить понятие «причастность».

Причастность к совершению преступления означает непосредственное участие лица в совершении преступления в качестве исполнителя или соисполнителя, либо в форме иного соучастия преступления (организатор, подстрекатель, пособник), либо в форме прикосновенности к преступлению (заранее не обещанное укрывательство преступления).

Отдельные авторы в несколько ином ракурсе связывают подозрение с причастностью к совершению преступлению. Так, с точки зрения Н.А. Козловского, подозрение — «это особая форма причастности лица к совершению преступлению, выраженная в виде вывода органов уголовного судопроизводства и оформления специальным процессуальным актом о предположительно преступном характере его деяний и необходимости вовлечения его в сферу уголовно-процессуальной деятельности в качестве подозреваемого» [35, с. 9]. Из данного определения сложно понять, является ли подозрение «формой причастности» или же «выводом органа уголовного преследования». Если подозрение — это особая форма причастности, то, вероятно, существуют и другие формы причастности, какие же, автор не оговаривает. Кроме того, причастность не может быть выражена в виде вывода следователя, поскольку преступная деятельность (причастность к преступлению) и расследование преступления (выводы следователя) — «два антагонистических явления, которые не могут быть объединены формой или содержанием» [29, с. 132].

Проанализировав существующие в литературе определения подозрения, можно сделать вывод о том, что в основном авторы, анализирующие данную проблему, исходят из таких его составляющих признаков, как предположение либо утверждение и причастность. Соотношение этих качеств в различных формулировках подозрения можно выразить следующим образом:

Подозрение — это *предположение* (первоначальный вывод, вероятное суждение) о причастности лица к совершению преступления [30]. Так, например, с точки зрения И.В. Петрова, при подозрении более удачны формулы: «задержание по причине предположения о причастности лица к преступлению» или «уведомление о предположительной причастности лица к преступлению» [там же, с. 132, 136].

Подозрение — это *утверждение* о причастности лица к совершенному преступлению. Так, по мнению И.А. Пантелеева, подозрение есть «выраженное в процессуальном решении *утверждение* органа уголовного преследования о причастности лица к совершению расследуемого преступления при отсутствии достаточных доказательств для предъявления обвинения» [23, с. 38].

Между тем подозрение представляет собой предположительное суждение, утверждение же есть однозначный вывод. Предположение следователя (дознателя) о причастности лица к преступлению еще только предстоит проверить для того, чтобы обосновать обвинительный тезис. Думается, что использование термина «утверждение» для определения понятия «подозрение» не соответствует его природе с гносеологической позиции.

Значимость института подозрения в первую очередь состоит в том, чтобы лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, получило возможность реально воспользоваться своим правом на защиту. Институт подозрения позволяет обеспечивать права и законные интересы в ситуации, когда лицо еще не привлечено в качестве обвиняемого, но в отношении него уже применяются меры процессуального принуждения.

Итак, подозрение — это единственный институт, на основе которого должно формироваться понятие подозреваемого. Прежде всего, необходимо сформулировать подозрение, а затем уже осуществлять процессуальные действия, в результате которых может появиться подозреваемый, ибо подозрение первично, иные действия по отношению к нему (например, задержание и избрание меры пресечения) вторичны.

Подозрение — деятельность изобличительного характера, направленная на установление оснований вовлечения лица в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого.

Подозрение есть этап уголовного преследования, предшествующий обвинению, заключающийся в основывающемся на достаточных данных предположении следователя (дознателя) о возможной причастности конкретного лица к совершению расследуемого преступления.

Подозрение — это момент персонификации уголовного преследования, представляющий собой основывающееся на собранной информации предположение следователя (дознателя) о совершении конкретным лицом преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасов А.А. К вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование / А.А. Тарасов // Евразийская адвокатура. — 2015. — № 2 (15). — С. 32–41.
2. Головненков П. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии : науч.-практ. комментарий и перевод текста закона / П. Головненков, Н. Спица. — Потсдам : Universität Potsdam, 2012. — 404 с.
3. Бойльке В. Уголовно процессуальное право ФРГ : учебник / В. Бойльке ; пер. с нем. Я.М. Плошкина ; под ред. Л.В. Майоровой. — 6-е изд. с доп. и изм. — Красноярск, 2004. — 351 с. — EDN QWEVGP.
4. Плошкина Я.М. Учение о подозрении в уголовных процессах России и Германии / Я.М. Плошкина. — DOI 10.18287/2542-047X-2019-5-1-36-43. — EDN PPGXLC // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5, № 1. — С. 36–42.
5. Этимологический словарь русского языка / сост. Г.А. Крылов. — Санкт-Петербург : Полиграфсервис, 2005. — 432 с.
6. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. — Москва : Русский язык, 2001. — 568 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. — Москва : Русский язык, 2007. — 806 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Москва : ИТИ Технологии, 2003. — 944 с.
9. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. — Москва : Юрид. лит., 1986. — 160 с.
10. Калинин А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Калинин. — Саратов, 2016. — 22 с. — EDN ZQADKP.
11. Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу / Е.Г. Васильева. — Москва : Юрлитинформ, 2006. — 312 с. — EDN QXCHMT.
12. Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: современная характеристика и предпосылки реформирования / В.В. Кальницкий. — EDN KWTUFD // Уголовное судопроизводство. — 2007. — № 3. — С. 23–29.
13. Арабули Д.Т. Правила производства допроса подозреваемого и их детализация / Д.Т. Арабули // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. — 2009. — № 19. — С. 14–17.
14. Сопнева Е.В. Методологические проблемы уголовно-процессуального понимания подозрения / Е.В. Сопнева. — EDN UKUOFZ // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 4. — С. 156–164.
15. Карцев А.В. К вопросу о необходимости использования материального основания для признания лица подозреваемым / А.В. Карцев. — EDN KWTUAN // Уголовное судопроизводство. — 2007. — № 2. — С. 14–18.
16. Федулов А.В. Уведомление о подозрении в современном уголовном процессе как юридическое основание начала действия презумпции невиновности / А.В. Федулов. — EDN RCICPP // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 559–561.
17. Аристархов А.Л. Подозрение как составная часть функции уголовного преследования / А.Л. Аристархов. — EDN KBYMPR // Российский следователь. — 2007. — № 21. — С. 9–11.
18. Земляничин Е.И. К вопросу о соотношении понятий «уголовное преследование», «обвинение», «подозрение» и «предварительное расследование» / Е.И. Земляничин. — EDN RITUTL // Вестник Омской юридической академии. — 2013. — № 2 (21). — С. 126–129.
19. Звездина Е.И. Исторические и процессуальные аспекты развития института подозреваемого / Е.И. Звездина. — EDN HZSOEL // Право и политика. — 2007. — № 5. — С. 86–91.
20. Шишкина Е.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Е.В. Шишкина, С.Г. Бандурин, Н.А. Громов // Право и политика. — 2004. — № 12. — С. 83–89.
21. Потапенко П.Г. Подозрение как форма и этап уголовного преследования / П.Г. Потапенко. — EDN PUIMRH // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2011. — № 6. — С. 174–177.
22. Мазюк Р.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк. — Москва : Юрлитинформ, 2009. — 216 с.
23. Пантелеев И.А. Подозрение в уголовном процессе России / И.А. Пантелеев. — Екатеринбург : Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2001. — 48 с.
24. Татьяна Л.Г. Место подозрения в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) / Л.Г. Татьяна, К.Г. Бычкова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2008. — № 83. — С. 21–23.
25. Давлетов А. Подозреваемый по УПК РФ: проблема не решена / А. Давлетов, И. Ретюнских. — EDN HUGZLP // Российская юстиция. — 2006. — № 1. — С. 20–21.
26. Карнеева Л.М. Подозреваемый в советском уголовном процессе / Л.М. Карнеева // Социалистическая законность. — 1954. — № 4. — С. 35–38.
27. Франк Л.В. Задержание и арест подозреваемого: уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / Л.В. Франк. — Душанбе, 1963. — 235 с.
28. Давлетов А. Институт подозрения нуждается в совершенствовании / А. Давлетов, В. Войт. — EDN CDUTMX // Законность. — 1996. — № 7. — С. 23–26.
29. Петров И.В. Концептуальные основы подозрения в российском уголовном процессе / И.В. Петров. — EDN OGMNTF // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. — 2011. — № 9. — С. 131–137.
30. Великопольская А.А. Институт подозрения: понятие и значение в уголовном процессе России / А.А. Великопольская. — EDN UDYTMV // Российский судья. — 2015. — № 8. — С. 23–27.
31. Сопнева Е.В. Основания инициации подозреваемого в уголовном деле / Е.В. Сопнева. — EDN PGIICF // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — № 2. — С. 179–185.
32. Карцев А.В. Уголовно-процессуальный статус подозреваемого: понятие и содержание / А.В. Карцев. — EDN KWTUIF // Уголовное судопроизводство. — 2007. — № 4. — С. 19–25.

33. Дикарев И. Подозрение в уголовном процессе / И. Дикарев. — EDN RACCFN // Законность. — 2013. — № 8. — С. 20–22.

34. Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела / А.А. Давлетов. — EDN UHUXAJ // Российский юридический журнал. — 2015. — № 4. — С. 61–66.

35. Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Козловский. — Свердловск, 1989. — 18 с.

REFERENCES

1. Tarasov A.A. To a Question of the Procedural Status of the Person Concerning who Criminal Prosecution is Carried Out. *Evrasiiskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2015, no. 2, pp. 32–41. (In Russian).

2. Golovnenkov P., Spitsa N. *Strafprozessordnung (StPO)*. Potsdam Universität, 2012. 404 p.

3. Beulke W. *Strafprozessrecht*. C.F. Müller Verlag, 2002. 423 p. (Russ. ed.: Beulke W.; Maiorova V. (ed.). *Criminal Procedure Law of Germany*. 6th ed. Krasnoyarsk, 2004. 351 p. EDN: QWEVGP).

4. Ploshkina Ya.M. Suspicion in the Russian and German Criminal Processes. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 36–42. (In Russian). EDN: PPGXLC. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-1-36-43.

5. Krylov G.A. *Etymological Dictionary of the Russian Language*. Saint Petersburg, Poligrafuslugi Publ., 2005. 432 p.

6. Aleksandrova Z.E. *Dictionary of Synonyms of the Russian Language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 568 p.

7. Ushakov D.N. (ed.). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2007. 806 p.

8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. 4th ed. Moscow, ITI Tekhnologii Publ., 2003. 944 p.

9. Larin A.M. *Investigation in a Criminal Case: Procedural Functions*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1986. 160 p.

10. Kalinkin A.V. *The Procedure of Announcing Suspicions as a Guarantee of a Person's Rights in Criminal Proceedings, Cand. Diss. Thesis*. Saratov, 2016. 22 p. EDN: ZQADKP.

11. Vasileva E.G. *Legal and Theoretical Problems of Terminating Criminal Prosecution and Criminal Proceedings*. Moscow, Jurlitinform Publ., 2006. 312 p. EDN: QXCHMT.

12. Kalnickij V.V. Charging a Person with an Offence: Modern Characteristics and Prerequisites for Reforms. *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2007, no. 3, pp. 23–29. (In Russian). EDN: KWTUFD.

13. Arabuli D.T. Rules of Performing Questioning of a Suspected Person and their Itemization. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2009, no. 19, pp. 14–17. (In Russian).

14. Sopneva E.V. Methodological Issues of Criminal Procedure Understanding of Suspicion. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2015, no. 4, pp. 156–164. (In Russian). EDN: UKUOFZ.

15. Karcev A.V. To the Question of the Necessity of Using a Material Basis for Considering a Person a Suspect. *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2007, no. 2, pp. 14–18. (In Russian). EDN: KWTUAN.

16. Fedulov A.V. Notification of Suspicion in Modern Criminal Process as a Legal Basis for the Onset of the Presumption of Innocence. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2010, no. 4, pp. 559–561. (In Russian). EDN: RCICPP.

17. Aristarhov A.L. Suspicion as a Component of the Criminal Prosecution Function. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2007, no. 21, pp. 9–11. (In Russian). EDN: KBYMPR.

18. Zemlyanitsin E.I. On the Issue of the Concepts Correlation «Criminal Prosecution», «Charge», «Suspicion», «Preliminary Investigation». *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2013, no. 2, pp. 126–129. (In Russian). EDN: RITUTL.

19. Zvezdina E.L. Historical and Procedural Aspects of Development of the Institution of a Suspect. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2007, no. 5, pp. 86–91. (In Russian).

20. Shishkina E.V., Bandurin S.G., Gromov N.A. The Institute of Criminal Prosecution in Russian Criminal Proceedings. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2004, no. 12, pp. 83–89. (In Russian).

21. Potapenko P.G. Suspicion as a Form and a Stage of Criminal Prosecution. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava = Saratov State Academy of Law Herald*, 2011, no. 6, pp. 174–177. (In Russian). EDN: PUIMRH.

22. Mazyuk R.V. *The Institute of Criminal Prosecution in Russian Criminal Proceedings*. Moscow, Jurlitinform Publ., 2009. 216 p.

23. Panteleev I.A. *Suspicion in the Russian Criminal Process*. Ekaterinburg, Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2001. 48 p.

24. Tatyana L.G., Bychkova K.G. The Place for Suspicion in the Criminal Proceedings (Questions for Discussion). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Orenburg State University*, 2008, no. 83, pp. 21–23. (In Russian).

25. Davletov A., Retyunskikh I. A Suspect in the Criminal Procedure Code of the RF: The Problem has not yet been Resolved. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2006, no. 1, pp. 20–21. (In Russian). EDN: HUGZLP.

26. Karneeva L.M. The Suspect in the Soviet Criminal Process. *Sotsialisticheskaya zakonost' = Socialistic Legality*, 1954, no. 4, pp. 35–38. (In Russian).

27. Frank L.V. *Detention and Arrest of a Suspect: Criminal Procedure and Criminalistic Research. Cand. Diss.* Dushanbe, 1963. 235 p.

28. Davletov A., Voit V. The Institute of Suspicion Needs Improvement. *Zakonost = Legality*, 1996, no. 7, pp. 23–26. (In Russian). EDN: CDUTMX.

29. Petrov I.V. The Conceptual Bases for Suspicion in Russian Civil Procedure. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta = Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University*, 2011, no. 9, pp. 131–137. (In Russian). EDN: OGMNTF.

30. Velikopolskaya A.A. Institute of Suspicion: Concept and Significance for the Criminal Trial in Russia. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2015, no. 8, pp. 23–27. (In Russian). EDN: UDYTMV.

31. Sopneva E.V. Suspect Initiation Cause in the Criminal Case. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2011, no. 2, pp. 179–185. (In Russian). EDN: PGIICF.

32. Kartsev A.V. The Criminal Procedure Status of the Suspect: Concept and Content. *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2007, no. 4, pp. 19–25. (In Russian). EDN: KWTUIF.
33. Dikarev I.S. Suspicion in Criminal Proceedings. *Zakonnost = Legality*, 2013, no. 8, pp. 20–22. (In Russian). EDN: RACCFN.
34. Davletov A.A. The Problem of Defining a Status of Criminally Prosecuted Person at the Stage of Initiating a Criminal Case. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2015, no. 4, pp. 61–66. (In Russian). EDN: UHUXAJ.
35. Kozlovskii N.A. *Suspicion in the Soviet Criminal Process. Cand. Diss. Thesis*. Sverdlovsk, 1989. 18 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смолькова Ираида Вячеславовна — профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: SmolkovaIV@bgu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Смолькова И.В. Понятие и сущность подозрения в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(2).172-183. — EDN HSEGOG // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 2. — С. 172–183.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smolkova, Iraida V. — Professor, Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, Institute of Justice, Baikal State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: SmolkovaIV@bgu.ru.

FOR CITATION

Smolkova I.V. The Concept and Essence of Suspicion in Russian Criminal Court Proceedings. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 2, pp. 172–183. (In Russian). EDN: HSEGOG. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(2).172-183.